

архивах и далеко не все детально изучены. Возможно, фронтальный их просмотр позволит найти указанные письма Достоевского и тем самым пополнить его эпистолярное наследие.

В. Е. ВЕТЛОВСКАЯ

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ДОСТОЕВСКОГО

«ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

Т. 18. С. 13. *Всё, всё, какая ни есть внутри дрянь, как говорит Гоголь, всё летит с языка в дружеское сердце.*

В комментарии академического Полного собрания в связи с приведенной фразой дана отсылка к «Выбранным местам из переписки с друзьями» (1847). «Гоголь, — сказано там, — пояснял, что, желая избавиться от „дурных качеств“ своей натуры, начал „передавать“ их своим героям: „Я стал наделять своих героев, — писал он, — сверх их собственных гадостей, моей собственной дрянью” (Гоголь, т. VIII, стр. 294)» (18, 222). Между тем Достоевский в данном случае цитирует на память, и потому не вполне точно, не «Выбранные места из переписки с друзьями», а «Тяжбу» Гоголя (напечатана в изд.: Сочинения Николая Гоголя. СПб., 1842. Т. 4, раздел «Драматические отрывки и отдельные сцены»). Ср.: «Пролетов (в сторону). У этого уездного медведя, как видно, нет совсем обычая держать язык за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душе, — у него на языке» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949. Т. 5. С. 111). «Этот уездный медведь» у Достоевского отзывается в ближайших к комментируемой фразе: «Обманут ли этот господин в жизни, обманут ли любовницей, проигрался ли в карты, немедленно, как медведь, ломится он, непрошенный, в дружескую душу и изливает в нее без удержу все свои пустяки...». Достоевский упоминает «Тяжбу» в письме к брату от 16 ноября 1845 г., говоря о своем «Романе в девяти письмах», который на чтениях у Тургенева «произвел фурор». «Напечатан он будет в 1-м номере „Зубоскала”. Я тебе пришлю книгу к 1-му декабря, и вот ты сам увидишь, хуже ли это, нап(ример), „Тяжбы” Гоголя?» (28₁, 116). «Роман в девяти письмах» впервые был опубликован в «Современнике» за 1847 г. (№ 1. Отд. IV). Некоторые мотивы гоголевской «Тяжбы» прямо и косвенно звучат в романе «Униженные и оскорбленные» (1861). См.: 3, 240 и 536 (коммент.), а также: Ветловская В. Мир «Униженных и оскорбленных» // Достоевский Ф. Униженные и оскорбленные. Л., 1981. С. 11—12.

Пассаж о человеке с «добрым сердцем», в который включена гоголевская цитата, соотносится с аналогичными рассуждениями Н. А. Некрасова в одной из его рецензий 1847 г. и В. Г. Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года». Эти переключки отмечены в издании: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1990. Т. 11, кн. 2. С. 306.

С. 14. Куда это девались старинные злодеи старинных мелодрам и романов, господа? Как это было приятно, когда они жили на свете! И потому приятно, что сейчас, тут же под боком, был самый добродетельный человек, который, наконец, защищал невинность и наказывал зло. Этот злодей (...) так и рождался злодеем (...) Он был еще злодеем в чреве матери; мало того: предки его, вероятно предчувствуя его появление в мир, с намерением избирали фамилию, совершенно соответственную социальному положению будущего их потомка. И уж по одной фамилии вы слышали, что этот человек ходит с ножом и режет людей (...) А теперь Бог знает об чем говорят сочинители. Теперь, вдруг, как-то так выходит, что самый добродетельный человек, да еще какой, самый неспособный к злодейству, вдруг выходит совершенным злодеем, да еще сам не замечая того.

Это рассуждение, помимо указанных в комментарии академического издания конкретных переключек, соотносится со словами Белинского в его «Вступлении» к «Физиологии Петербурга» (1845): «Не лучше этих так называемых „исторических“ романов и так называемые нравоописательные романы: не знаем, что в них есть, но знаем, что в них нет нравов русского общества (...) В них нет ни сатиры, ни нравов, потому что нет взгляда на вещи, нет идеи, нет знания русского общества, а есть только мелочный сатиризм, школьное критиканство (...) В них фигурируют и рисуются герои добродетели и герои злодейства, которых имена напоминают собою пословицу: по шерсти собаке и кличка и которые заранее дают знать читателю, с кем предстоит ему иметь дело; но в них нет людей, нет характеров, которые, в своей простоте и действительности, иногда бывают гораздо лучше всевозможных бумажных героев добродетелей, а иногда, от доброты сердца и без всякой злобы, делают больше зла, чем все на свете неестественные изверги порока» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 376).

С. 27. Другие говорили, что ведь есть же и без того добродетель, что она существует на свете, что существование ее уже подробно изложено и неоспоримо доказано во многих нравственных и назидательных сочинениях (...) следственно, зачем же об ней беспокоиться, искать ее и только напрасно употреблять ее священное имя всеу.

Заключительные слова восходят к гоголевской «Шинели» (1842): «Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитана-исправника, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его произносится решительно всеу» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1938. Т. 3. С. 141).

«РЯД СТАТЕЙ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

Т. 18. С. 48. Ну что бы, например, могли сказать они человеку, приехавшему Бог знает откуда и который бы им вдруг объявил, что они отстали, что свет уже теперь на востоке...

Заключительная фраза, которую и позднее в различных вариантах использует в своих произведениях Достоевский, восходит к латинской поговорке *ex oriente lux* (с востока свет). Христианская традиция связывает с этим выражением особый смысл. Восток в Священном Писании представляется «страною света, символом Царствия Христа, который называется *Востоком свыше*, тогда как запад является синонимом царства тьмы и мрака, царства сатаны» (Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1906. Кн. 7. Март. С. 537).

«ВСТУПЛЕНИЕ (К АЛЬМАНАХУ «1 АПРЕЛЯ»)»

Т. 18. С. 108. Конечно, спора нет, само ее заглавие невольно как-то наводит на разные дурные, неблагоприятные толки и клеветы; сами мы не раз об этом думали, да делать было нечего, такие обстоятельства встретились, что нельзя было дать другого имени.

Реминисценция из гоголевской «Шинели» (1842): «Имя его было Акакий Акакиевич. Может быть, читателю оно покажется несколько странным и выисканным, но можно уверить, что его никак не искали, а что сами собою случились такие обстоятельства, что никак нельзя было дать другого имени...» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1938. Т. 3. С. 142).

«ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАМЕТКА О НОВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНАХ И О НОВЫХ ТЕОРИЯХ»

Т. 20. С. 59. Издатели новых органов настойчиво заявляли о своем появлении к 1-му января 63 года и уверяли, что им что-то надо и даже необходимо сказать (...) Очевидно, одни из них чувствовали, что недоговорено какое-то слово и его надо договорить во что бы ни стало. Другие (из прежних деятелей) настойчиво хотели продолжать прерванное обстоятельствами. Третьи стремились явиться, так сказать, как плющ на развалинах, как новая жизнь на старом разоренном пепелище (...) и, кажется, были уверены, что пришло-таки наконец время и ихнему слову, что кончилось *l'abomination de la désolation*; что пора русскому миру услышать мужей трезвых, солидных, положительных, так сказать, практически понимающих глубину вещей...

Французская фраза «*l'abomination de la désolation*» в подстрочном примечании к академическому изданию переведена так: «распространение опустошения». На самом деле фраза «*l'abomination de la désolation*» на русском языке выражается словами «мерзость запустения» и требует комментария. Это цитата из Евангелия от Матфея, восходящая к словам пророка Даниила и напоминающая слова Христа о последних днях в судьбах мира: «*Quand donc vous verrez dans le lieu saint l'abomination qui cause la désolation (...) Alors que ceux qui seront dans la judée senfuient aux montagnes...*». В русском переводе: «Итак, когда увидите мерзость запустения (...) стоящую на святом месте (...) тогда

находящиеся в Иудее да бегут в горы...» и т. д. (Мф. 24:15—16). Французская фраза вместо русской служит способом иронической характеристики и компрометации этих «третьих» органов печати вместе с «ихним словом».

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Т. 6. С. 193. — *Извините, что такими пустяками беспокоил (...)* вещи мои стоят всего пять рублей, но они мне особенно дороги (...)

— *То-то ты так вспорхнулся вчера, когда я Зосимову сболтнул, что Порфирий закладчиков опрашивает! — ввернул Разуმიхин (...)*

Это уже было невыносимо. Раскольников не вытерпел (...) Тотчас же и опомнился.

— *Ты, брат, кажется надо мной подсмеиваешься?* — обратился он к нему, с ловко выделанным раздражением. — *Я согласен, что, может быть, уже слишком забочусь об этакой дряни, на твои глаза; но нельзя же считать меня за это ни эгоистом, ни жадным, и, на мои глаза, эти две ничтожные вещицы могут быть вовсе не дрянь.*

Этот разговор отсылает к диалогу между Маниловым и Чичиковым в «Мертвых душах» (1842): «Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили свое существование?». Обрадованный Чичиков «наговорил тут же столько благодарностей, что тот (Манилов. — В. В.) смешался (...) и наконец уже выразился, что это сущее ничего (...) умершие души в некотором роде совершенная дрянь.

— *Очень не дрянь,* — сказал Чичиков, пожав ему руку. Здесь был испущен очень глубокий вздох. Казалось, он был настроен к сердечным излияниям; не без чувства и выражения произнес он наконец следующие слова:

— *Если б вы знали, какую услугу оказали сей, по-видимому, дрянью человеку без племени и роду! Да и действительно, чего не потерпел я? как барка какая-нибудь среди свирепых волн... Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что? за то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдовице беспомощной и сироте горемыке!.. — Тут даже он отер платком выкатившуюся слезу!» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1951. Т. 6. С. 36—37). Отсылка к Гоголю в данном случае многозначна. В частности, благодаря ей подчеркнута мысль, что вещи и «вещицы» для героя важнее загубленных им душ. Из дальнейшего разговора выясняется, что для Раскольникова «дрянь» не столько мертвые, сколько живые души. Именно поэтому они и оказываются мертвыми (совершенное героем преступление).*

С. 372. *...adieu, mon plaisir, до радостного свидания!*

Слова Свидригайлова при прощании с Раскольниковым напоминают эпитафию Н. М. Карамзина: «Покойся, милый прах, до радостного утра!» (1792). Ср. двусмысленно звучащие мотивы того же разговора героев:

« — Ну так и оставим меня в покое, — нахмурившись, пробормотал Раскольников.

— Хорошо, оставим вас в покое» (6, 357).

Эпитафия Карамзина не раз обыгрывается в произведениях Достоевского. См.: 8, 411; 21, 45. В свое время она была выбрана Михаилом и Федором Достоевскими для надписи на надгробии их покойной матери — Марии Федоровны Достоевской (урожд. Нечаевой). См.: *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского (1821—1881): В 3 т.* СПб., 1993. Т. 1. С. 36.

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» за 1876 г.

Февраль, гл. II, § II. Нечто об адвокатах вообще. Мои наивные и необразованные предположения. Нечто о талантах вообще и в особенности.

Т. 22. С. 52. *Вот человек совершил преступление, а законов не знает; он готов сознаться, но является адвокат и доказывает ему, что он не только прав, но и свят.*

Затем в другой раз тоже об адвокатах:

Октябрь, гл. II, § IV. О том же.

Т. 23. С. 159. *В самом деле, они (...) запросили сколь возможно больше, чтоб добиться наибольшего *minimum*'а: «не только правы — святы!».*

Заключение комментируемых фраз восходит к мотивам басни Крылова «Мор зверей» (1809):

За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в свой черед
Во весь народ
Поведали свои смиренно погрешенья;
Но их безбожных самых дел
Никто и шевелить не смел.
И все, кто были тут богаты
Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
Со всех сторон
Не только правы, чуть не святы.

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» за 1876 г. Подготовительные материалы

Февраль, гл. I—II.

Т. 22. С. 153. — *Порча будет, но валы только лизут могучего пятки.* И далее с. 155: — *Валы только лизут.*

Цитата (в первом варианте не вполне точная) из первой строфы знаменитого стихотворения В. Г. Бенедиктова «Утес» (1835):

Отвсюду объятый равниною моря,
Утес гордо высится, — мрачен, суров,
Незыблем стоит он, в могуществе спора

С приboями волн и с напором веков.
Валы только лижут могучего пяты,
От времени только бразды вдоль чела,
Мох серый ползет на широкие скаты,
Седая вершина — престол для орла...

(*Бенедиктов В. Г.* Стихотворения. Л., 1983. С. 54. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.)). Опубликованное впервые в изд. «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (СПб., 1835), это произведение вызвало разноречивые, иногда восторженные, отклики и вместе с сонетом «Цветок» в свое время «послужило поводом для С. П. Шевырева провозгласить стихи Бенедиктова „поэзией мысли”» (см.: *Бенедиктов В. Г.* Стихотворения. С. 722—723 (коммент.)). Определение Шевырева в свою очередь дало повод для многочисленных иронических реплик В. Г. Белинского. Солидарность с Белинским в оценке поэзии Бенедиктова заявлена молодым Достоевским в «Бедных людях» (1846). Но комментируемая запись 1876 г. с цитатой из Бенедиктова идет в самом серьезном контексте.

Заметим кстати, что помимо отсылок к Некрасову, варьирующему мотивы стихотворения Бенедиктова (это указано в комментарии к новейшему изданию), следует назвать также В. А. Жуковского («Русскому великану», 1848) и Ф. И. Тютчева («Море и утес», 1848—1851).

⟨ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1876—1877 гг.⟩

Т. 24. С. 211. *Государству надо понять, что дети принадлежат не одним отцам. Проповедовать мысль о взаимных тяготах.* И далее с. 211—212: *Будь свободен, но неси тяготы всех.*

Достоевский имеет в виду слова апостола Павла: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» (Гал. 6:2).

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» за 1877 г.

Декабрь, гл. I, § VI. Враг ли я детей? О том, что значит иногда слово «счастливая».

(Рассуждение о том, что все больны, даже те, которые думают, что они здоровы.)

Т. 26. С. 107. *Ну вот на таких-то мне и случалось много раз указывать моим читателям и даже, может быть, доказать, что эти здоровяки далеко не так здоровы, как думают, а, напротив, очень больны, и что им надо идти лечиться.*

«БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

Т. 14. С. 197. *Знаете, Lise, мой старец сказал один раз: за людьми сплошь надо как за детьми ходить, а за иными как за больными в больницах...*

Авва Исаяя (отшельник) говорил: «Все мы находимся в земной жизни, как бы в больнице. Один недугует глазами, другой рукою, иной горлом, иной имеет глубокие раны...» и т. д. (Отечник, составленный святителем Игнатием (Брянчаниновым). 3-е изд. Ч. 1. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их. СПб., 1891. С. 123). Авва Исаяя, как и Достоевский, имеет в виду недуги в прямом и переносном смысле.

Мысль о том, что люди, пораженные грехом, больны, нередко встречается в святоотеческой литературе. Об осторожности, с которой следует врачевать духовные недуги, свидетельствует рассказ об игумене, старце Антонии Оптином (1795—1865): «Сердце его всегда принимало самое теплое участие в скорбях ближнего, а потому он особенно любил утешать приходящих к нему. Он не отчаивался ни в чем исправлении и умел воздвигать людей нерадивых и малодушных (...) В советах же и наставлениях своих был крайне осторожен и указывал на слова св. Исаака Сирина, что надо с людьми обходиться, как с больными, и успокаивать их наиболее, а не обличать; ибо это больше их расстроивает, нежели приносит им пользы. „Больному, — говорил старец, — надо говорить: не хочется ли тебе какой похлебки, или чего другого? а не следует говорить так: я тебе дам такую микстуру, что глаза выпучишь“. Незаметно и нечувствительно привлекал о. Антоний всех к сознанию душевных своих немощей» (Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков (с портретами). Август. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1994. С. 186—187).

Т. 14. С. 71. *Не здесь твое место пока. Благословляю тебя на великое послушание в миру. Много тебе еще странствовать (...) Всё должен будешь перенести, пока вновь прибудеши. А дела много будет.*

Ср.: «Сказали старцы: Если увидишь юношу, последующего своей воле и восходящего на небо, то возьми его за ногу и низвергни на землю, потому что такое восхождение на небо пагубно для него» (Отечник, составленный святителем Игнатием (Брянчаниновым). 3-е изд. Ч. 1. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их. СПб., 1891. С. 363).

С. 300. *«Знать, суд-то Божий не то, что человеческий!» — слышал вдруг отец Паусий.*

Ср. рассказ о смерти аввы Агафона: «Братия толкнули его, сказав: авва! где ты? Он отвечал: предстою суду Божию. Братия сказали ему: отец! неужели и ты боишься? Он отвечал: хотя я старался всеусильно исполнять заповеди Божии, но я человек, — и не знаю, угодны ли дела мои Богу. Братия сказали: неужели ты не уверен, что дела твои благоугодны Богу? Старец сказал: невозможно удостовериться мне в этом прежде, нежели предстану Богу: потому что иной суд Божий и иной — человеческий» (Отечник, составленный святителем Игнатием (Брянчаниновым). 3-е изд. Ч. 1. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их. СПб., 1891. С. 49. А также: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных Отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 33. Ср. также слова св. Феодора Студита:

«Если люди не сплетают похвал кончающимся в этом образе жизни (монашеском. — В. В.), чрез это нисколько не умалется слава их; потому что не как человек смотрит, так и Бог. Но ин суд Божий, и ин человеческий...» (Добролюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. Т. 4. С. 622). Разница между человеческим судом и Божиим постигается, как ясно, не здесь, на земле, а только перед престолом Бога, поэтому любые земные догадки (в том или другом направлении) остаются судом вполне человеческим.

С. 370. *...тройка летела, «пожирая пространство»...* Ср.: «А в это время м-р Пиквик и Сэм Уэллер, сидя на крыше пассажирской кареты, с каждой минутой поглощали пространство...» («Посмертные записки Пиквикского клуба», 1837) (см.: Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 2. С. 261).

Об отношении Достоевского к творчеству Диккенса и отражении в произведениях русского писателя некоторых мотивов английского романиста см., например: *Катарский И. М. Достоевский и Диккенс (1860—1870-е годы) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 277—284* (публикация Ю. Д. Левина). Здесь же (с. 280) упоминается факт, отмеченный А. Г. Достоевской: «...мы в это время (речь идет о последних днях жизни Достоевского. — В. В.) сходили на полчаса к Кашпиревой и воротясь сели обедать. За обедом все время говорили о Пиквикс(ком) клубе, вспоминали все подробности, рассказывали ему, а затем я спросила, кто же был этот актер. Мистер Джингль, сказал Фед(ор) Мих(айлович)» (*Достоевская А. Г. Записная книжка 1881 года // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 280*).

Т. 15. С. 80. — *Шут! А искушал ты когда-нибудь вот таких-то, вот что акриды-то едят, да по семнадцати лет в голой пустыне молятся, мохом обросли?*

— *Голубчик мой, только это и делал. Весь мир и миры забудешь, а к одному такому прилепишься, потому что бриллиант-то уж очень драгоценен; одна ведь такая душа стоит иной раз целого созвездия — у нас ведь своя арифметика. Победа-то драгоценна!*

Достоевский опирается в данном случае на соответствующие повествования святых отцов. Например: «Сказывал о себе один из Фиваидских старцев, что он — сын жреца идольского. Быв дитятею, он сживал в храме и видел отца своего, приносящего жертвы идолам. Однажды (...) сын вошел тайно в храм и увидел там сатану. Сатана сидел на троне; многочисленное воинство предстояло ему. И вот! приходит один из князей его, поклоняется ему. Сатана спросил его: откуда ты? Князь отвечал: я был в такой-то стране, возбудил там войну и большое смятение, произвел кровопролитие и пришел возвестить тебе. Сатана спросил: во сколько времени сделал ты это? Он отвечал: в тридцать дней. Сатана велел бить его бичами, сказав: только-то сделал ты в такое продолжительное время! — И вот! другой пришел и поклонился ему. Сатана спросил: откуда ты? Демон отвечал: я был в море, воздвиг бурю, потопил корабли, умертвил множество людей и

пришел возвестить тебе. Сатана спросил: во сколько времени сделал ты это? Он отвечал: в двадцать дней. Сатана повелел и этого бить бичами, сказав: почему ты в столько дней сделал так мало? — И третий пришел и поклонился ему. И этому он сказал: ты откуда? Демон отвечал: я был в таком-то городе; там праздновалась свадьба: я возбудил ссоры и произвел большое кровопролитие; сверх того убил самого жениха и пришел возвестить тебе. Сатана спросил: во сколько дней ты сделал это? Демон отвечал: в десять. Сатана повелел и этого (...) бить бичами. И еще один демон пришел поклониться ему. Сатана спросил: откуда? Демон отвечал: из пустыни. Исполнилось сорок лет, как там борюсь с одним из монахов и едва одержал над ним победу (...) Сатана, услышав это, встал с трона, начал целовать демона, — сняв царский венец, который был на главе его, возложил на голову демона и посадил его возле себя на престоле, сказав: ты совершил великое и славное дело» (Отечник, составленный святителем Игнатием (Брянчаниновым). М., 1992. Ч. 2. С. 446—447). Или: «Некоторый брат шел по пустыне. День склонялся уже к вечеру. На дороге случилась пещера; брат вошел в нее, чтоб провести ночь. По обычаю он занялся псалмопением; наступила полночь. По окончании бдения он присел, чтоб дать отдых телу: внезапно он начал видеть бесчисленные полки демонов, которые отвсюду стекались в пещеру: густыми толпами шли они, одни впереди своего князя, другие сзади его. Князь был и выше всех ростом и страшнее взором. Он сел на возвышеннейшем троне и начал подвергать строгому рассмотрению дела каждого из демонов; повелевал изгонять с великим бесчестьем от лица своего тех, которые не возмogli обольстить своих противников; называл их нерадивыми, упрекая с страшною яростию за то, что они растратили и продолжительное время и труд бесполезно. Напротив того, тех, которые успели обольстить порученных им человек, он превозносил величайшими похвалами, как храбрейших ратоборцев, служащих образцом для всех, — и вторили все демоны князю общим восторгом и восклицаниями. Между прочими духами пришел в великом веселии некоторый злейший дух, возвещая с великим торжеством, называя монаха, коротко известного всем, и уверяя, что он его поверг этою ночью в блудное падение, боровшись с ним постоянно в течение пятнадцати лет. Собрание, выслушав эту весть, предалось необузданной радости, а князь превознес демона величайшими похвалами» (Там же. С. 502).

С. 81. *Воистину ты злишься на меня за то, что я не явился тебе как-нибудь в красном сиянии, «гремя и блистая», с опаленными крыльями, а предстал в таком скромном виде. А также ранее в «Бесах» (о Степане Трофимовиче Верховенском. Т. 10. С. 11): И вот теперь, уже с опаленными крыльями, он, естественно, вспомнил о предложении, которое еще и прежде колебало его решение.*

Ср. в переводе Пушкина отрывок из драмы В. Гюго «Кромвель» (1827) (слова одного из героев, обращенные к Мильтону, автору «Потерянного рая»): «Пусть Аминта и Тирсис гуляют у вас по лугам; пусть она ведет за собою барашка на голубой ленточке. Но Ева, Адам,

ад, огненное озеро! Сатана голый, с опаленными крыльями! Другое дело: кабы вы его прикрыли щегольским платьем...» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949. Т. 12. С. 140. Статья Пушкина (О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»), включившая переведенный Пушкиным отрывок, была впервые опубликована в «Современнике» за 1837 г., кн. 5).

Ю. Д. ЛЕВИН

«ДВОЙНОЕ ВРЕМЯ» И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (К проблеме художественного времени)

Одной из сложнейших проблем в создании сюжетной художественной литературы является проблема единства временного потока в произведении с несколькими сюжетными линиями. Как указал Д. С. Лихачев, сознание этого единства «приходит в фольклоре и литературе не сразу. События разных сюжетов в фольклоре и на начальных этапах развития литературы могут совершаться каждое в своем ряду времени, независимо от другого».¹ В этой связи можно упомянуть, например, английскую средневековую и возрожденческую драматургию, где встречается примитивная форма «двойного времени», когда две или более синхронно начавшиеся и завершающиеся сюжетные линии требуют разных отрезков времени для своего развития.² В дальнейшем подобные временные несообразности выявлялись как художественное несовершенство и даже осмеивались.³

На определенном этапе литературного развития, «когда сознание единства времени начинает преобладать (...) различия во времени различных сюжетов начинают восприниматься как нечто сверхъестественное, чудесное».⁴ Более того, на этом этапе события различной временной протяженности, видимо, уже специально сводились вместе для демонстрации чуда. Так, например, в итальянской новелле начала XIV в. «Фридрих Второй и маги» волшебники заставляют некоего рыцаря прожить целую жизнь, полную событий, за краткий миг, в течение которого император Фридрих не успевает вымыть руки.⁵

Подобное чудесное совмещение разных отрезков времени встречается и в переводной древнерусской литературе. Сошлемся хотя бы на апокриф греческого происхождения «Повесть о пленении Иерусалима»

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 217.

² Подробно об этом в кн.: *Buland M.* The presentation of time in the Elizabethan drama. New York, 1912.

³ См.: Левин Ю. Д. О композиции комедии Бомонта и Флетчера «Рыцарь Горящего Песика» // *Philologica: Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В. М. Жирмунского.* Л., 1973. С. 297—298.

⁴ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 217.

⁵ См.: Новеллы итальянского Возрождения. М., 1912. Ч. 1. С. 40—41.